

РОДОГОЙ ОРЛОВ

ВЕЛЕС

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ЖИВЫХ

ЧАСТЬ IV
МЁРТВЫЕ, СНЫ
И ДОРОГИ

Родогой Орлов

**Велес - инструкция для живых.
Часть 4. Мёртвые, сны и дороги**

«Автор»

2026

Орлов Р.

Велес - инструкция для живых. Часть 4. Мёртвые, сны и дороги /
Р. Орлов — «Автор», 2026

Что, если мёртвые управляют вашей жизнью чаще, чем вы думаете? Не из могил. Через унаследованные страхи, запреты и дороги, по которым вы идёте, хотя они ведут не туда. В четвёртой части «Велес. Инструкция для живых» Родогой Орлов входит в медитативное погружение и оказывается на острове посреди реки Смородины — в избушке Велеса, у растопленной печи. Там он задаёт вопросы, на которые не принято отвечать вслух. Почему мы проживаем чужие сценарии? Нужно ли бесконечно «чистить род»? Как понять, что умерло: дело, отношения, прежняя роль — или вы сами внутри них? Велес объясняет: новую дорогу нельзя открыть, пока обе руки заняты мёртвым. Иногда нужно не просить открыть ворота, а наконец захлопнуть старые. Но кто приходит во сне — бог, чужая сущность или собственная ложь? Как защитить тело, вернуться и проверить ответ в Яви? Внутри — тихое поминовение, «Закрытые ворота» и обряд открытия дороги. Открывайте. Раз уж дошли до четвёртой ступени, делать вид, что вы любопытствуете, поздно.

© Орлов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 22. Те, кто стоит за спиной	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Родогой Орлов

Велес - инструкция для живых.

Часть 4. Мёртвые, сны и дороги

Глава 22. Те, кто стоит за спиной

После разговора о зверях избушка изменилась.

Не сразу.

Сначала просто стало тише.

Потом огонь в печи опустился и начал гореть ровно, почти без треска. Золотой бык возле печи снова превратился в маленькую неподвижную фигурку. Полоз ушёл под лавку. Ворон перестал ходить по крыше. Медвежья шкура на стене потяжелела и замерла.

А потом я почувствовал, что за моей спиной кто-то стоит.

Не один.

Там было много людей.

Я не слышал голосов. Не видел лиц. Никто не касался плеча и не пытался сообщить тайну рода. Просто пространство за спиной стало глубоким, как ночная дорога, по которой люди идут один за другим и конца этой веренице не видно.

Я хотел обернуться.

— Не надо, — сказал Велес.

— Почему?

— Потому что ты сразу начнёшь разглядывать. Искать знакомые лица. Выдумывать имена. Решать, кто из них сильный колдун, кто ведунья, кто князь, кто волхв. Через десять минут окажется, что у тебя весь род состоял из великих посвящённых, просто документы не сохранились.

— А что, не мог?

— Мог. Только почему-то никто не хочет обнаружить за спиной обычного мужика, который сорок лет пахал землю, вырастил детей и умер, ни разу не открыв третий глаз. Всем подавай верховного жреца тайного ордена.

Я усмехнулся, но не обернулся.

Присутствие за спиной не исчезло.

Наоборот, стало плотнее.

— Это предки?

— В том числе.

— А кто ещё?

— Всё, что пришло к тебе раньше тебя.

ОНИ НЕ НАЧАЛИСЬ С ТВОЕЙ ФАМИЛИИ

Когда говорят о предках, человек обычно представляет семейное дерево.

Фамилии.

Фотографии.

Даты рождения и смерти.

Дедушки, бабушки, прадеды, прабабки.

Если повезло — несколько историй. Кто воевал. Кто строил дом. Кто пил. Кто лечил травами. Кто ушёл и не вернулся. Кто держал семью. Кто разрушил её так, что о нём до сих пор стараются не говорить.

Но род не начинается с фотографии в старом альбоме.

До фотографии было имя.

До имени — тело.

До тела — длинная цепь тех, кто сумел выжить, встретиться, зачать, родить, выкормить и хотя бы на несколько лет удержать жизнь в мире, который редко обещал быть удобным.

— Они все стоят за мной? — спросил я.

— Если бы все встали в избушке, остров ушёл бы под воду.

— Я серьёзно.

— И я серьёзно. Ты хочешь представить род толпой отдельных людей. А это не только люди. Это глубина, собранная в тебе.

Кость не помнит фамилии того, от кого пришла её прочность.

Рука не знает имени человека, от которого унаследовала точность движения.

Нервная система не спрашивает, кому раньше помогала мгновенная готовность к опасности.

Тело просто продолжает.

В человеке живут не портреты предков.

В нём живут способы выживать.

Способы любить.

Способы зарабатывать.

Способы молчать.

Способы драться.

Способы бросать начатое за шаг до результата.

Способы собирать вокруг себя людей и строить то, что потом работает десятилетиями.

Часть этого можно найти в семейной истории.

Часть — только в собственных реакциях.

Часть никогда не получит имени, но всё равно будет двигать рукой в тот момент, когда человек думает, что принимает совершенно самостоятельное решение.

— Получается, я не один?

— Ты не один. Но жить всё равно тебе.

ЧТО ИМЕННО ОНИ ПЕРЕДАЛИ

Велес достал из-за печи старый деревянный сундук.

Сундук был тёмный, потёртый, с железными полосами по углам. На крышке не было ни знака, ни имени.

Он поставил его передо мной.

— Открывай.

— А там что?

— Наследство.

— Деньги?

— Было бы слишком просто.

Я поднял крышку.

На дне лежали четыре вещи.

Кусок кости.

Инструмент без названия — не то резец, не то ключ, не то часть давно забытого ремесла.

Тёмный узел, стянутый грубой верёвкой.

И незаконченный договор, на котором не было ни одной читаемой буквы.

— Тело, способность, страх и обязательство, — сказал Велес. — Это не полный список.

Но для начала хватит.

Тело человек получает первым.

Не абстрактный «сосуд души», а совершенно конкретное живое сооружение. С его запасом прочности. С уязвимыми местами. С походкой, голосом, скоростью восстановления, температурой, устройством удовольствия и тем, как оно выдерживает силу.

Потом проявляются способности.

Иногда очевидные. Руки умеют чинить. Глаз видит форму. Язык чувствует слово. Человек мгновенно понимает устройство сделки, пространства, механизма или чужого состояния.

Он может десятилетиями считать это чем-то обычным.

«А что тут сложного?»

И только когда пытается научить другого, обнаруживает: то, что ему давалось естественно, для большинства людей является отдельной наукой.

Так наследство часто и прячется.

Не в торжественном даре, который вручили под гром и молнии.

В лёгкости.

В движении, которое человек умеет с детства и поэтому не считает ценным.

Страх передаётся не хуже способности.

Не обязательно как мистическое родовое проклятие. Иногда достаточно того, что несколько поколений жили в мире, где лишнее слово стоило свободы, заметный достаток привлекал неприятное внимание, своё дело могли отнять, а выживал тот, кто умел стать незаметным.

Мир давно изменился.

А тело потомка всё ещё сжимается, когда его начинают видеть.

Он хочет проявиться — и тут же прячется.

Хочет денег — и боится, что за ними придут.

Строит большое — и в последний момент сам уменьшает результат до безопасного размера.

Не потому, что прадед шепчет ему из шкафа: «Не высывайся».

Прадед, возможно, вообще занят своей дорогой.

Просто когда-то этот способ спас жизнь и потому оказался крепче многих слов.

А ещё передаются незаконченные договоры.

Не всегда буквально подписанные кровью бумаги.

Обещания.

Запреты.

Долги.

Роли.

Молчаливые решения, принятые человеком за всю семью.

«У нас мужчины не доживают».

«У нас женщины всё тянут сами».

«Богатым быть опасно».

«Своим нельзя отказывать».

«Сначала спаси всех остальных, а потом, если останется жизнь, займись собой».

Один произнёс это в момент беды.

Другой повторил уже как правило.

Третий забыл, откуда оно взялось.

Четвёртый назвал характером.

Пятый пришёл к магу с вопросом, почему в его жизни всё время происходит одна и та же история.

НЕ НАДО ВЕЧНО КОПАТЬ РОД

— Значит, надо искать все эти договоры и развязывать? — спросил я.

— Нет.

— Как это нет? Ты только что целый сундук показал.

— Чтобы ты увидел, что в нём лежит. А не чтобы поселился внутри с фонариком.

Работа с родом легко превращается в бесконечные археологические раскопки.

Человек приходит с тем, что не может закончить проект.

Через неделю он уже ищет прабабку, которой запретили петь.

Ещё через месяц обнаруживает прадеда, раскулаченного в прошлой жизни на соседней планете.

Через год он знает сорок семь родовых программ, семь проклятий, три договора и имя ведьмы по материнской линии.

Проект всё ещё не закончен.

Зато теперь есть великолепное объяснение.

— А вдруг причина действительно в роде?

— Может быть. Только причина, которую нельзя превратить в действие, быстро становится религией бессилия.

Род не должен быть универсальным виновником.

Не каждое твоё неудобство пришло от предков.

Не каждый страх принадлежит прапрадеду.

Не каждая финансовая дыра открылась из-за того, что кого-то раскулачили.

Иногда ты просто принял плохое решение.

Иногда не посчитал.

Иногда поверил не тому человеку.

Иногда ленился.

Иногда захотел получить результат, не построив форму, способную его удержать.

Свалить всё это на мёртвых очень удобно.

Они не придут в комментарии и не напишут свою версию событий.

— Так когда копать?

— Когда след повторяется сильнее твоих личных причин. Когда видишь один и тот же узел в нескольких поколениях. Когда реакция явно больше события. Когда уже изменил действия, а старая сила продолжает возвращать всё на прежнее место. Тогда смотри глубже.

— А когда остановиться?

— Когда понял, что делать в Яви.

Вот это был хороший ответ.

Не когда составил идеальную карту рода.

Не когда увидел всех до седьмого колена.

Не когда получил красивую историю о происхождении своей боли.

А когда стало понятно следующее действие.

Сказать «нет».

Закрыть долг.

Перестать спасать взрослого человека.

Оформить собственность.

Признать свой талант.

Выйти из чужой роли.

Закончить то, что до тебя начинали и бросали.

Или, наоборот, прекратить продолжать то, что давно должно было закончиться.

ЗУБ, КОТОРЫЙ ВЗОРВАЛСЯ

— Я ведь сам однажды полез туда с лопатой, — сказал я.

— Знаю.

— Пару лет назад пришло понимание, что надо поработать с родом. Начал делать разные энергетические практики. Чистка рода. Восстановление рода. Проработка родовых линий. Убрать одно, вернуть другое, восстановить третье. Всё красиво. Всё с намерением помочь.

Велес посмотрел на мои зубы.

— И?

— И в какой-то момент у меня взорвалась верхняя шестёрка.

— Прямо взорвалась?

— Бабах — и зуба нет. Я в этот момент ничего не ел. Не кусал железо. Не пытался разгрызть камень Велеса на сувениры. Во рту вообще ничего съедобного не было. Просто верхний зуб раскололся пополам.

Потом я сидел у стоматолога.

Стоматолог смотрел на остатки зуба.

Потом на меня.

Потом снова на зуб.

По его лицу было видно: в учебнике был кариес, были трещины, нагрузка, старые пломбы и всё прочее, что бывает с человеческими зубами. Но чтобы шестерка вот так взяла и развалилась, когда человек ничего не жевал, — история выглядела даже для него странно.

— Совпадение? — спросил Велес.

— Может быть. Я не стал требовать от стоматолога заключение о вмешательстве рода. Сначала починил то, что можно было починить у стоматолога. Но намёк понял.

— Какой?

— Что практики пора прекратить.

Я не стал героически усиливать чистку.

Не решил, что род сопротивляется и поэтому надо провести ещё три обряда мощнее.

Не объявил разрушенный зуб знаком того, что «пошёл глубокий процесс» и через боль надо обязательно продолжать.

Остановился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.